

Глава 3

ВОИНСКИЙ РАЙ И ПРЕИСПОДНЯЯ. ВАЛЬХАЛЛА И ХЕЛЬ

Представления скандинавов о том свете, на первый взгляд, были настолько же противоречивы, насколько противоречивы были архаические верования о загробной жизни вообще. Казалось бы, воинский рай Вальхалла и Хель должны были занимать привычные места рая на небе и ада в преисподней; но Вальхалла мыслилась одной из обителей богов асов — то есть помещалась в Асгарде, а тот располагался в центре обитаемого мира, в Мидгарде. Путь же в Хель лежал «вниз и к северу» — на мрачный и холодный край ойкумены.

Не меньше озадачивают исследователей древних скандинавских текстов представления о загробной жизни героев этих текстов: казалось бы герой, сподобившийся воинского рая, должен был жить там для продолжения битв и пиршеств, но герой Хельги вынужден был разрываться между Вальхаллой и обустроенным могильным жилищем под курганом — каждую ночь спешить на бледном коне в загробный мир. Продолжавшие обитать в могиле мертвецы «оживали» и нападали на людей и их хозяйство, пока их насильно не отправляли на тот свет.

Проблемы для понимания порождает и скандинавский пантеон, известный нам из древнеисландских средневековых текстов, поскольку он имеет одно разительное отличие от прочих пантеонов индоевропейцев. Место высшего небесного бога в нем занимает Один, который если и имеет отношение к небу, то не к дневному и светлому, а к мрачному и угрожающему, — он бог бури, а не грозы, которая приносит оплодотворяющий дождь. Он лишился одного глаза, чтобы обрести чудесное зрение, проникающее во все миры скандинавской вселенной. «Кривые»

персонажи мирового фольклора считаются демоническими, связанными с потусторонним миром. Один мог проникать в разные сферы мифологической вселенной, либо превращаясь в пресмыкающихся и птиц, либо верхом на чудесном восьминогом коне Слейпнире. Иными словами, Один был шаманом. С Одним связаны народные поверья о «Дикой охоте» — он возглавляет полчища мертвецов, которые проносятся по небу в ненастные и самые длинные в году новогодние ночи. Он наделен даром проникать в преисподнюю Хель и вызывать мертвых, недаром римский историк Тацит сравнивает его с проникающим во все сферы мироздания Меркурием — греческим Гермесом. Один царствует над погибшими в бою мертвецами — героями, жителями Вальхаллы, небесного «Чертога павших». Воинский рай известен мифам многих народов (см. ниже главку о Мезоамерике), но особенное развитие получил у воинственных германцев.

ОДИН В ХЕЛЬ. ПРОРИЦАНИЕ ВЁЛВЫ

Некромантия — вызывание духов — была традиционным способом узнать будущее, ведь мертвые, пребывающие в ином мире, были причастны к тайнам грядущего.

Чем ближе была гибель светлого бога Бальдра, прекрасного и чуждого злодеяний сына Одина и Фригг, тем более зловещими для богов-асов становились знаки, свидетельствующие о приближении конца света.

В древнеисландском собрании песен о богах и героях, «Старшей Эдде», Бальдра мучают тревожные сны. Они не дают покоя асам и асиньям — предвещают смерть бога, а значит, и конец света. В особой песне «Сны Бальдра» рассказывается, как боги собираются на тинг, чтобы разгадать вещие сны. В поисках ответа Один отправляется к вёльве — давно умершей провидице. Он седлает Слейпнира и едет вниз, в преисподнюю Нифльхель,

царство богини Хель, где томятся все, кто не пал в битве и не стал избранным героем Одина. Ворота Хель сторожит чудовищный пес с грудью, обрызганной кровью трупов, но он не может остановить Одина, отца колдовства. Бог мчится дальше, к востоку от ворот, туда, где могила вёльвы. Заклинаниями Один поднимает провидицу из могилы — она говорит, что пробуждение было для нее «нелегким путем», ибо она давно уже мертва, и спрашивает, что за неведомый воин принудил ее проделать этот путь.

Общение живых и мертвых — нелегкое и опасное предприятие даже для бога. Один знает, что мертвецу нельзя называть своего подлинного имени, и именуется Вегтамом («привычный к пути»). Он предлагает вёльве обменяться новостями: расскажет ей о мире живых, от нее же узнает о том, что происходит в Хель — для кого в жилище богини смерти скамьи устланы кольчугами, а пол усыпан золотом.

Ответ провидицы страшен для Одина: в загробном мире мед для Бальдра уже сварен и накрыт щитом — Хель ждет мертвого бога.

Бог заставляет вёльву рассказать, кто убьет Бальдра и кто отмстит за сына: без мести за родича скандинавы не мыслили жизни. Наконец Один задает последний вопрос: какие девы будут оплакивать Бальдра, подбрасывая к небу края покрывал? Тут вёльва раскрывает секрет бога: «Ты не Вегтам, ты, верно, сам Один!»

Для богов и людей общение с существами иного мира всегда состязание, и Один силой магии заставляет вёльву отвечать на его вопросы. Последний вопрос Одина не касается судьбы Бальдра, это загадка для вёльвы. Может быть, она даже знает ответ: скорее всего, под оплакивающими бога девами Один имеет в виду волны или дочерей морского великана Эгира — ведь погребальный костер Бальдра разожгут на его ладье и ее спустят в море. Но главное для вёльвы, что Один выиграл в состязании, вынудив провидицу раскрыть свои тайны. Она угадывает лишь имя и клянется, что никто больше не явится к ней, пока не придет гибель богов.

ЗАВЕТ ОДИНА И ПОХОРОНЫ БАЛЬДРА

В древнеисландской «Саге об Инглингах» сам Один устанавливает погребальные обряды, и главный из них — трупосожжение. Пепел следовало бросать в море или зарывать в землю, в память о знатных и достойных людях насыпать курганы и ставить мемориальные камни. Умершего нужно было сжигать вместе с имуществом: каждый приходил в Вальхаллу с тем, что было с ним на костре или ранее зарыто в землю, то есть принесено в жертву.

Сам Один, пишет Снорри в упомянутой саге, умирал от болезни в Швеции. Это значило, что бог недостоин Вальхаллы! Этого хитроумный правитель шведов, каковым изображает бога христианин Снорри, допустить не мог. Один из саги велел перед смертью пометить себя острием копья, подобно тому как бессмертный Один в народном мифе пригвоздил себя копьем к мировому дереву, чтобы обрести сверхъестественное видение мира. Так Один не только уподобился павшему в битве, но и присвоил власть над всеми погибшими в бою. Он сказал, что отправляется в Асгард, где будет жить вечно и принимать своих дружинников. Бог был сожжен на костре, и сожжение было пышным: шведы верили, что чем выше поднимется дым от погребального костра, тем выше будет место умершего на небе*.

Прямой потомок Одина, его сын Бальдр, также был сожжен по всем правилам — со всем имуществом и даже с женой, костер развели на его собственной ладье. Похороны проходили в Асгарде, и в этом же городе располагался небесный чертог Вальхалла. Но ладья отправилась не туда, а в мрачную преисподнюю — Хель.

Когда Бальдр погиб, боги онемели от ужаса — ведь его смерть знаменовала гибель богов, Рагнарёк. После нескончаемых

* В далекой Африке у народа динка почитались вожди, которые именовались, подобно Одину, «хозяевами копья». У них принято было не дожидаться естественной смерти: вождей хоронили заживо. Так обманывали смерть, и народ получал живого заступника на том свете.

рыданий мать Бальдра Фригг спросила, кто поедет дорогой мертвых в Хель, чтобы предложить смерти-великанше выкуп за Бальдра, — может быть, Хель отпустит его в Асгард. Сын Одина Хермод оседлал восьминогую скакуна Слейпнира и помчался в нижнее царство мертвых.

Боги же приступили к погребению Бальдра: они вынесли тело к морю и хотели водрузить его на ладью, где должен был гореть погребальный костер. Но ладья была так велика, что они не могли столкнуть ее в море. Пришлось послать в Ётунхейм, окраинное обиталище великанов-ётунов, за великаншей Хюрроккин. Ее имя значит «сморщенная от огня», и она, должно быть, имела отношение к обряду сожжения. Хюрроккин явилась верхом на волке, а поводьями были змеи. Один велел четырем берсеркам держать волка под уздцы, но те не могли удержать его, пока не повалили наземь. Великанша подошла к ладье и так толкнула корабль, что искры посыпались из катков, а земля содрогнулась. Ладья же закачалась на волнах.

Тело Бальдра перенесли на ладью. Увидев мужа на погребальном костре, жена Бальдра Нанна упала замертво — ее сердце разорвалось от горя. Нанну положили на погребальный костер рядом с Бальдром. Когда костер зажгли, Тор освятил его своим молотом, ведь это был символ священного небесного огня. У ног громовника пробежал карлик по имени Лит («цветной»), и бог толкнул его ногой в костер — Бальдру нужны были слуги на том свете. Коня Бальдра в полной узде также сожгли вместе с ним. Один положил на костер волшебное кольцо Драупнир, но что он сказал при этом на ухо сыну, осталось тайной... Корабль с пылающим костром отплыл в море к жилищу Хель на Берегу Мертвых.

Итак, согласно «Младшей Эдде» боги не вытащили ладью на сушу, чтобы установить на костер, а, наоборот, спустили в море. Мы можем понять почему: для мифологического рассказа важно, что в загробном путешествии Бальдр сначала

странствует через воды Мирового океана, отделявшего Асгард и Мидгард от внешнего мира чудовищ и преисподней, а потом, уже на взнузданном коне, является ко двору Хель. Но это значит, что сожжение умершего не обязательно приводило к путешествию на небо — путь с погребального костра (или прямо с погребальным костром, уплывающим на ладье Бальдра) мог вести в преисподнюю.

Хермод же девять ночей скакал без передышки по суше, пока не подъехал к реке Гьёлль. Дева Модгуд, стерегущая крытый золотом мост, спросила Хермода, как его имя и какого он роду: пять полчищ мертвецов не издавали такого грохота, когда проезжали по этому мосту, да и лицом всадник не похож на мертвого. Хермод отвечал, что разыскивает Бальдра, и Модгуд сказала, что Бальдр проезжал по мосту в Хель, а дорога туда ведет вниз и к северу.

Наконец Хермод добрался до решетчатых Ворот Мертвых и пришпорил Слейпнира: чудесный конь перескочил через преграду, даже не задев ее. Хермод спешил и вступил в палаты Хель, где увидел брата, сидящего на почетном месте. Бог остается богом и в преисподней. Нашлось место в покоях и для Хермода — он заночевал в мрачном жилище Хель. Наутро он принялся просить хозяйку мертвых отпустить с ним Бальдра, ведь не только боги, но и все живое оплакивает его смерть. Великанша сказала, что отпустит бога, если действительно ни одно живое существо не воспротивится его возвращению из Хель. Бальдр проводил Хермода из палат и, как положено, передал дары в царство богов: Одину он послал его кольцо Драупнир, Нанна отправила Фригг свой плат.

Хермод пустился в обратный путь и рассказал в Асгарде о трудной задаче, которую задала ему Хель. Боги тут же разослали гонцов во все стороны, призывая весь свет оплакивать Бальдра. И правда, весь мир зарыдал — эти слезы до сих пор выступают на камнях или металле, когда их приносят из холода в тепло.

Лишь одна старуха-великанша, сидящая в пещере, сказала, что оплакивает Бальдра сухими слезами: он не нужен ей ни живой, ни мертвый, пусть хранит его Хель. Имя этой старухи было Тёкк, что значило «благодарность»: на такую издевку было способно лишь одно существо — это был виновник смерти Бальдра, Локи, который умел менять пол.

Бальдр не стал воскресающим богом, хотя имел все признаки бога природы. Копье, которым его сразил, забавляясь его неуязвимостью, брат Хёд, было сделано из омелы — растения-паразита, поражающего дерева, в том числе священные дубы.

КУРГАНЫ КАК ВОРОТА МЕРТВЫХ

Если мы вспомним путешествие Одина в Хель, к могиле вёльвы, от которой бог хотел получить прорицание, то станет ясно, что могила не возле дома — она не в Мидгарде или Асгарде, а в преисподней. Вёльва, которую поднимает из могилы Один, говорит, что бог заставил ее отправиться в «нелегкий путь». Чтобы разобраться в этих загробных странствиях, не обойтись без мифологической географии, точнее космографии и знаний о том, как представляли себе могилу скандинавы-язычники.

Словом «хель» первоначально называли могилу — укрытие, в котором хоронили труп. Собственно, могила была воплощением преисподней. Вход в загробное жилище, «ворота мертвых», — это одновременно и вход в загробный мир.

Скандинавы не зря уделяли столько внимания погребальным обрядам. После смерти человек мог присоединиться к дружине эйнхериев, благодетельных богов и предков или к полчищам чудовищ и злобных мертвецов — и от этого зависел исход последней битвы. Умерший оставался членом рода и служил мифологическим посредником между людьми и миром сверхъестественного — Вальхаллой или Хель. Залогом того, что эти

Великие курганы Уппсалы — комплекс курганов в Швеции

связи не обрываются и род живых един с загробной общиной предков, были «домашние курганы», родовые кладбища: тысячи могильных насыпей эпохи язычества сохранились в Скандинавии (и повсюду в Европе, включая Русь). Сам Один ссылался на мудрость, полученную от древних людей из домашних курганов. Курганы — могилы предков — считались свидетельством, что потомки владеют этой землей по праву: языческие могилы, а в христианскую эпоху памятные рунические камни были одновременно и межевыми столбами. Предки могли в представлениях скандинавов-язычников сливаться с альвами — духами природы, покровителями земель-урочищ, обитателями не только домашних курганов, но и скал.

Герой Торстейн из «Саги о людях с Песчаного берега» однажды отправился на лодке с экипажем за провизией. Тем временем пастух, пасший овец возле Священной горы, увидел, что весь северный склон ее открыт. Оттуда доносились звуки пиршества и стук питьевых рогов, и пастух услышал, что Торстейна со всеми спутниками зовут в гору — занять почетное место напротив отца. Наутро узнали, что Торстейн утонул со всеми людьми.

Жертвоприношения альвам должны были способствовать здоровью всего рода и рождению потомков: это был обмен дарами с загробным миром (вспомним о дарах Одина и Бальдра)⁵.

В «Саге об Олаве Святом», крестителе Норвегии, рассказывается, что его мать долго не могла разродиться. Пришлось обратиться к помощи предка, Олава Гейрстада, — его имя значило «дух урочища Гейрстад». Из его кургана достали пояс и опоясали роженицу — этот талисман должен был помогать в родах. Языческий обряд помог появиться на свет первому скандинавскому святому. Естественно, что языческие родичи дали ему имя Олав — считалось, что предок возродился в потомке.

Кладбища располагались за границей хуторов и поселений, но все же это были близкие «домашние курганы». Погребения были устроены так, чтобы умерший мог пользоваться привычными для него домашними вещами — личное имущество оставалось с ним в доме-могиле. У знатных людей под курганами могли оказаться большие сокровища или волшебное оружие, овладеть которым мечтали многие герои, — сам Один похвалялся, что умел грабить курганы так, что могильные жители не причиняли ему вреда.

Латинский автор XII века Саксон Грамматик дает романтическую версию смерти Бальдра — Бальдера. В ней Бальдер остается полубогом, сыном Одина, но убийца Хёдер (Хёд) не брат ему, а доблестный воин и соперник — они враждуют из-за руки Нанны, дочери датского конунга. Хёдер встречается в лесу таинственных дев, которые отговаривают его от поединка с Бальдером. Он хочет заговорить с ними, но девы тут же исчезают, и герой оказывается посреди равнины (такой морок могли насылать языческие боги и дисы, которых встретил Хёдер). Хёдер идет к своему воспитателю, датскому конунгу, и просит руки Нанны. Тот боится Бальдера, зато дает воспитаннику совет, как убить соперника — ведь он неуязвим для оружия. Хёдеру необходимо раздобыть волшебный меч и кольцо, которые хранит в стране

холода и мрака некий Миминг. Имя этого персонажа напоминает о Мимире, череп которого хранили в источнике мудрости в преисподней у корней мирового древа.

Хёдер снаряжает повозку, запрягает в нее северных оленей и отправляется к пещере Миминга, на север. Царство мрака и холода на севере — это преисподняя, а Миминг напоминает живущего в скале альва, хранителя сокровищ (Саксон именует его сатиром, следуя античной традиции). Хёдер выманивает Миминга из пещеры и отбирает у него кольцо и меч.

Хёдер совершает много подвигов, а Бальдер тем временем является с войском в Данию требовать руки Нанны. Та говорит, что смертная дева не может стать женой бога. Начинается битва между Хёдером и Бальдером, и на стороне сына Одина выступает сам верховный бог, громовник Тор и прочие божеества. С Хёдером его волшебный меч и непробиваемый панцирь. Он наносит богам такой урон, на который только способен смертный. Но с Тором его боевая палица из дуба (это древнее оружие могло принадлежать громовнику еще в те времена, когда люди не знали металла), и ею он сокрушает рать Хёдера. Его войско уже готово дрогнуть, но тут Хёдер разрубает палицу, и боги бегут от людей. Христианин Саксон не упускает случая сказать, что это не настоящие боги; для нас интересны эти богоборческие мотивы — ведь и в Троянской войне герои осмеливались выступить против богов.

Хёдер получает руку Нанны: победителя простые люди почитают как бога. Но Бальдер берет реванш и разбивает Хёдера в битве. Ночью к Бальдеру является призрак в облике Нанны, и от этого видения Бальдер лишается сил — он может передвигаться только в повозке (можно подозревать, что этот ночной кошмар — мара — результат магических действий Нанны).

Но даже после этого полубог продолжает преследовать Хёдера, и в решительной битве силы оказываются равны. Когда войска расходятся на ночь, Хёдер отправляется в стан врага

и видит, что три девы покидают этот лагерь. Он следует за ними, но девы обнаруживают его присутствие и спрашивают, кто он. Герой прикидывается менестрелем и даже играет на лире. Ему удается увидеть колдовской ритуал: девы готовят пищу для Бальдера и добавляют в нее яд трех змей — это и делает полубога неуязвимым. Как всегда случается с дисами или норнами, одна из дев воплощает злую судьбу своего подопечного: она дает Хёдеру волшебный пояс. С его помощью Хёдер и ранит Бальдера в поединке. Полубогу является античная Прозерпина (она заменяет богиню Хель у латинского автора) и предвещает Бальдеру смерть. Он умирает, и над ним воздвигают огромный курган.

Исландский герой Греттир, победивший великана Глама, как-то раз спустился в курган за хранящимся там кладом, — он заметил, что по ночам над насыпью вспыхивал огонь. Греттир принялся раскапывать курган и к закату дошел до бревен сруба — могильного жилища. Ночью спускаться в курган было опасно, но не для нашего героя. Он раскидал бревна и, несмотря на страшное зловоние, спустился вниз. Сначала ему попались конские кости (умершего снабдили верховым конем), а потом он наткнулся на высокое сиденье, которое обычно принадлежало знатым людям. Мертвец сидел на этом престоле, а рядом были сложены сокровища. Греттир взял богатства и двинулся было к лазу, ведущему из кургана, но мертвец схватил его сзади. Герою пришлось вытащить меч, отрубить могильному жителю голову и приложить ее к ляжкам, чтобы мертвец не смог его преследовать.

В дом-могилу, помимо привычной обстановки и даже мебели, помещали все, что было необходимо для путешествия в далекий иной мир, — коней, лодку, иногда сани или просто ледоходные шипы, прикрепив их к обуви, чтобы умершему легче было переправляться через замерзшие проливы.

Эти мифологические представления о том, что умерший одновременно живет в доме-могиле и путешествует на тот свет,

касались и трупосожжения — обряда, который, казалось бы, не оставлял возможности для телесного существования предка под курганом. Вопреки завету Одина, описанному Снорри, кости собирали с погребального костра, но не выбрасывали в море, а складывали в глиняный сосуд — урну или даже котел. В бронзовом и раннем железном веках урны оформляли в виде домиков или человеческих фигур с лицами: сосуд был жилищем и телом для умершего, новым и вечным (ведь обожженная глина не разрушается). В эпоху викингов кости собирали в простые горшки. На плечики таких горшков часто клали железные шейные гривны с привесками-амулетами — молоточками Тора: умерший в новом теле находился под покровительством самого популярного божества.

Вечные могильные памятники, курганы и каменные стелы воплощали нерушимость родовых связей и общественных устоев. Имена конунгов, похороненных под большими курганами, столетиями сохранялись в фольклорной памяти.

Легенды о курганах конунгов были основой исторической памяти. Одна легенда X века рассказывает, как Харальд Прекрасноволосый объединял норвежские земли. В одной такой земле, в Наумдале на севере, правили два брата-конунга, Херлауг и Хроллауг. Три лета они сооружали курган, и, когда узнали, что Харальд идет на них походом, Херлауг взял с собой много еды и питья и вошел живым в курган со своей дружиной, велел закрыть его за собой. Хроллауг поставил на насыпи престол конунга и воссел на кургане как наследник брата. Рядом он поместил скамейку для знати низшего статуса — ярлов. Когда Харальд приблизился, Хроллауг пересел на эту скамейку — он отдал себя во власть конунга Харальда, и тот сделал его своим ярлом, передав ему в управление Наумдаль. У конунгов был обычай восседать на кургане, подобно тому как Один восседал на своем престоле в Вальхалле. Богу с его престола были видны все миры, конунг обзирал всю страну с места, где были похоронены его предки.

Греттир и мертвец. Иллюстрация Генри Джастиса Форда

Курган действительно был подобен престолу Одина у мирового древа, ведь из могилы открывался путь в иной мир. Именно поэтому в скандинавских сказаниях курган иногда отождествляется с иным миром, и там, как в Вальхалле, бьются дружины мертвых.

ВОИНСКИЙ РАЙ И ЗАГРОБНЫЕ МИРЫ В МЕЗОАМЕРИКЕ

Воинский рай был известен не только викингам. У ацтеков, индейцев Мезоамерики, судьба умерших не зависела от поведения при жизни. Она определялась способом смерти: различным категориям умерших в загробном мире были предназначены разные сферы.

Воины, павшие в битве, принесенные в жертву пленники и умершие при родах женщины отправлялись в рай, в небесную обитель Тонатлиу — бога солнца. Воины сопровождали солнце от его восхода до зенита: они двигались рядом с ним в триумфальном шествии и пели военные песни. По прошествии четырех лет воины превращались в птиц с пышным разноцветным оперением; они питались цветочным нектаром на небе и на земле. Женщины жили в западной части неба и оттуда выходили навстречу солнцу, когда оно шло к закату.

Бог дождя и грома Тлалок обитал в Тлалокане — это место наслаждения и счастья, где в изобилии вода, цветы и пища. Тлалок жил на вершинах гор или во дворце над Мексиканским заливом, там, где образуются облака. Этот бог насылал на людей болезни, так что в его владения попадали убитые молнией, утопленники, прокаженные и умершие от болезней. Избранников Тлалока не сжигали, а захоранивали.

В доме верховного бога-творца Тонакатекутли (чье имя значит «владыка нашего существования») находилось «место влажного дерева-кормилицы» Чичиуакуауко: туда попадали дети, умершие в младенчестве. Там они питались от громадного дерева, чьи ветви сочились молоком. Ацтеки верили, что позже дети переселяются в Тамоанчан — земной рай на западе, откуда произошли растения и бог кукурузы.

Большинство умерших естественной смертью отправлялось на север, в Миктлан — «область мертвых», или «область бесплотных», под землей. Миктлан делился на девять уровней-преисподних, и путь туда длился четыре дня. Умерший должен был пройти между горами, грозившими раздавить его, избежать нападения змеи и гигантского крокодила, пересечь восемь пустынь, подняться на восемь гор и вынести морозный ветер, метавший камни и обсидиановые лезвия. Последнее препятствие — широкую реку — покойный пересекал на спине маленькой красной собаки. Эта собака-проводник сжигалась

вместе с трупом. Народы нагуа, к которым относились ацтеки, считали, что испытание кончалось через четыре года и с ним прекращались скитания умерших. Они добирались до девятой преисподней, где обитал Миктлантекутли — правитель Миктлана, которого представляли в виде скелета или человека с черепом вместо головы. Умерший подносил ему дары и получал свое место в одной из сфер Миктлана.

Одно из названий Миктлана, Химоайан («область бесплотных»), говорит о том, что добравшиеся туда продолжали не материальное, а бестелесное существование.

«Через четыре года в потусторонности происходит возрождение. Люди уже не замечают, уже потеряли счет, и в доме лишенных плоти, в доме из перьев Кецаля, происходят превращения того, что принадлежит возрождающему людей»^{*}.

Жизнь на земле воспринималась как сон, как временное:

«Мы приходим только грезить, приходим только спать: неправда, что на землю мы приходим жить. Вещи даются лишь на время, на земле мы лишь мимоходом: завтра или послезавтра, как пожелает твое сердце, о Даритель жизни, пойдем в его дом...»⁶

^{*} Перевод Р. В. Кинжалова.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)